

Е. А. Гребень

ЭВАКУАЦИОННЫЕ ОТЧЕТЫ ГЕБИТСКОМИССАРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ 1941–1944 гг.

Анализом текущей ситуации германские военные и гражданские власти занимались постоянно весь период оккупации Беларуси (месячные отчеты гебитскомиссаров, отчеты, оперативные сводки и донесения начальников жандармерии, СС и полиции, окружных сельскохозяйственных руководителей различных административно-территориальных единиц). В них содержатся сведения о настроениях местного населения, партизанской активности, использовании местного населения на работах в Беларуси и мобилизации на работу в Германию, запасах продовольствия и многих иных аспектах, касающихся конкретной административно-территориальной единицы. В фондах Национального архива Республики Беларусь имеется комплекс документов, иллюстрирующих оценку высшим германским руководством работы в Беларуси за весь период оккупации, в частности, отчеты гебитскомиссаров генерального округа «Беларусь» о деятельности во вверенной административно-территориальной единице и эвакуации германских структур из нее. Отчеты были созданы в июле – августе 1944 г. после эвакуации оккупационных структур из Беларуси, они представляют собой попытку немцев проанализировать эффективность политики на оккупированных территориях и не допускать ошибок в будущем. Выявлены отчеты гебитскомиссариатов: Барановичи, Вилейка, Ганцевичи, Глубокое, Лида, Минск (город), Новогрудок, Слоним и Слуцк, входивших в генеральный округ «Беларусь» с момента его организации, а также отчет о деятельности

и эвакуации окружного комиссара в Кобрине (округ большую часть оккупации входил в состав рейхскомиссариата «Украина»; в 1944 г. передан в состав генерального округа «Беларусь»).

Временный отчет об эвакуации Барановичского округа за подписью гебитскомиссара Вернера от 10 августа 1944 г. являлся второй редакцией утерянного отчета за 11 июля 1944 г. Отчет начинается с недоумения по поводу вызова в Минск на совещание 26 июня по вопросу противодействия партизанам в районе Налибок, тогда как город атаковала советская авиация, а жители Барановичей массово покидали его, причем на совещании положение на фронте не обсуждалось. Приказ на эвакуацию округа был дан заместителем генерального комиссара только утром 28 июня. Очень подробно приведена хронология эвакуации, содержатся жалобы на дефицит транспорта, мобилизованного вермахтом («... почти ежедневно можно было наблюдать, как проезжающие через город автоколонны вермахта не были полностью загружены или были загружены добром, которое в действительности не представляло никакой ценности»). Работа полиции была парализована: окружную полицию направили военным комендантом на оборонительные работы, а расквартированный в городе 60-й полицейский батальон разбежался, как и местное отделение Белорусской центральной рады. Отмечены грабежи квартир солдатами вермахта: «...части вермахта (...) вели себя недостойно немецкому солдату, и только поступками немецких солдат объясняются грабежи» [1, л. 278–292].

В «Отчете о деятельности и опыте» барановичского гебитскомиссара от 11 августа 1944 г. сделан обзор деятельности гражданской администрации: трудности в работе по причине противодействия партизан, отсутствие подготовленных для работы на оккупированной территории кадров, неприменимость на практике политических директив руководства Германии. Автор имел иллюзии относительно возвращения в Беларусь и рекомендовал создать из белорусов, бежавших на запад, и немцев, владеющих русским языком, штаб для работы с находящимися в рейхе белорусами и создания необходимых предпосылок для будущей работы в Беларуси. Артикулировались требования к будущему персоналу: «Немецкий руководящий аппарат на Востоке и за границей и работающие в нем сотрудники должны быть оперативными, быстро оценивающими обстановку и немедленно принимающими решения. В основу работы должна быть положена немецкая пунктуальность и аккуратность, и не изжившая себя и неприменимая на Востоке бюрократическая волокита и межведомственность». Предлагалась оптимальная структура гебитскомиссариата, критиковалась униформа служащих коричневого цвета, вызывавшая ассоциации с цветом партийной униформы нацистов. Содержалась критика подчиненности генерального округа «Беларусь» рейхскомиссариату «Остланд», оказавшаяся «незижденной» (по образному выражению гебитскомиссара, «Беларусь всегда ощущала, что является пятым колесом в рейхскомиссариате “Остланд”»), а также громоздкость руководящего штаба самого генерального округа, тогда как чиновники нужны были на местах, а не в Минске. Вернер признавал, что большинство

белорусов не имели желания сотрудничать с оккупантами на родине и в Германии, за исключением незначительного числа коллаборационистов. Причиной он видел как неясность политических целей, так и хозяйствственные мероприятия нацистов, сделавшие население врагами немцев: «Невозможно на длительное время привлечь народ к труду и совместной борьбе, если кормят лишь пустыми пропагандистскими обещаниями и не дают возможности для жизни. Это особенно относится к работающему городскому населению». В области пропаганды среди местного населения Вернер констатировал «полный провал». Три страницы отчета посвящены описанию масштабов партизанской борьбы в регионе. Вернер признавал, что немецкая и местная полиция в ходе локальных акций достигла незначительных успехов. Приток местных воителей к партизанам объяснялся как их пропагандой, которой немцы не могли ничего противопоставить, так и ошибочным хозяйственным мероприятием (реквизиция скота, принудительный труд). Помимо неудачной тактики борьбы с партизанами, гебитскомиссар признавал, что карательные операции затрагивали в основном не их, а массы мирного населения, лишь стимулируя сопротивление, итогом чего к 1943 г стало выпадение из-под немецкого контроля целых районов и важных коммуникаций. Приведена статистика потерь: около 500 солдат вермахта, полиции, лесной стражи и от 800 до 1 000 местных служащих. Как пример масштабов народного сопротивления, приводятся сведения, что в ночь на 20 июня 1944 г. в округе произошло 1 000 диверсий на железной дороге, в ночь на 21 июня еще 600. Для усиления аргументации гебитскомиссар приводит выдержки из сводок карательных операций, которые давали мизерные результаты. В будущем он предлагал призывающих на службу в полицию, вермахт, БКО местных жителей отправлять для военной подготовки подальше от места жительства и в части немецкими командирами младшего и среднего звена [1, л. 293–318].

Еще один документ, касающийся Бараповичского округа, был подготовлен рефератом продовольствия гебитскомиссариата. В нем описывался экономический потенциал, работа германских сельскохозяйственных руководителей округа и районов, масштабы экономической эксплуатации нацистами, а также объяснялась причина неудач в процессе заготовки продуктов: отсутствие достаточного количества полицейских в распоряжении немецких чиновников [1, л. 270–277].

Отчет об эвакуации Вилейского округа от 12 июля 1944 г. содержит временные рамки эвакуационных мероприятий, маршруты, категории эвакуированных. Отражен хаос на фоне стремительного продвижения Красной армии. Гебитскомиссар не получил ответа на запрос относительно категорий эвакуируемых, точки эвакуации и размещения будущей резиденции, места расположения лагеря для вывезенного гражданского населения. Комиссар округа имел эвакуационный план, но не получил приказа на эвакуацию от генерального комиссара, и действовал на основании информации начальника полиции безопасности и СД Беларуси, отдавшего приказ на эвакуацию из округа своих подчиненных. В ночь на 29 июня началась эва-

куация по направлению Молодечно – Вильнюс полицейских опорных пунктов и их семей, жителей оборонных деревень и скота. Администрация столкнулась с отсутствием транспорта, который обслуживал перевозки вермахта, в частности, армейских лазаретов. В итоге смогли вывезти часть текстиля, служебное имущество и багаж сотрудников. Гебитскомиссар отмечал, что результатом быстрой эвакуации опорных пунктов стал переход сельской местности под контроль партизан, что затрудняло своевременную безопасную эвакуацию немцев, критиковал коменданта ортскомендатуры за «нерешительность и беспомощность» в деле уничтожения объектов инфраструктуры и материальных ценностей. 1 июля, в виду угрозы уничтожения моста через р. Вилию, немцы покинули город. Гебитскомиссар сообщал, что железнодорожные составы не смогли вырваться из Вилейки, а склады не были взорваны. Гражданское население было вывезено немцами или бежало в леса [1, л. 159–167].

«Отчет об эвакуации из Ганцевичского округа и выводы» был подготовлен гебитскомиссаром Гёрдтом 18 июля 1944 г. Традиционно сделан акцент на отсутствии прямого приказа на эвакуацию из Минска (действовал на основании полученной от вермахта информации о положении на фронте), описана хаотичность эвакуационных мероприятий, самостоятельные действия отдельных организаций, чей поспешный выезд являлся сигналом для местных жителей, которые разбегались, лишая немцев рабочей силы, но отчет не содержит прямых обвинений вермахта в мародерстве или препонах для гражданской администрации [1, л. 248–255]. К отчету также прилагался перечень вывезенных из округа материальных ценностей (список вагонов и погруженного в каждый имущества) [1, л. 256–258].

Эвакуационный отчет глубокского гебитскомиссара Гахмана датирован 9 августа 1944 г. Эвакуация округа началась после полученной 28 июня радиограммы. На основании сводок вермахта и консультаций с командиром 391-ой охранной дивизии гебитскомиссар констатировал невозможность реализовать эвакуационный план, рассчитанный на 14 дней. По радио приказ о срочной эвакуации был отдан районным сельскохозяйственным руководителям. Как и его коллеги, глубокский гебитскомиссар отмечал почти полное отсутствие транспорта, мобилизованного для нужд 3-ей танковой армии. Согласно приказу начальника СС и полиции генерального округа «Беларусь», полицейским силам округа предписывалось маршевым порядком выдвигаться в Молодечно, но руководство округа до последнего не выводило посты полиции и жандармерии до массовой эвакуации гражданского населения. 29 июня руководству округа стало понятно, что эвакуация в направлении Молодечно невозможна в силу неблагоприятной для немцев ситуации на фронте. Позднее была получена радиограмма из Минска, предписывающая эвакуировать гебитскомиссариат в Лиду, что также было не реально, в силу чего гебитскомиссар отдал приказ эвакуироваться в направлении Воропаево – Поставы – Даугавпилс, сдав на территории Латвии материальные ценности ближайшему окружному сельскохозяйственному

руководителю. К этому моменту персонал гебитскомиссиата из местных жителей разбежался, а, поскольку эвакуация полицейских и их семей готовилась заблаговременно и не являлась тайной, мирные жители массово бежали в леса; угнать все трудовые ресурсы и скот немцам не удалось. По оценке гебитскомиссара, командующий Белорусской краевой обороны округа «стал совсем беспомощным» и присоединился к отступающей полиции. К 1 июля г. Глубокое был переполнен отступающими солдатами вермахта, которые стали грабить склады и квартиры германского персонала. Последние сотрудники гебитскомиссиата, уничтожив служебную переписку и передав остатки материальных ценностей вермахту 1 июля покинули Глубокое и прибыли в Вильнюс, где в этот момент также началась эвакуация. Пользуясь хаосом, угнанное немцами гражданское население бежало, забрав с собой часть скота. Значительная часть скота пала от жары и длительного марша или была разворована литовским гражданским населением и местной полицией, часть передана вермахту. На территории Литвы обоз подвергся атаке партизан, захвативших крупные денежные суммы и личные вещи немцев. В заключении приводится список потерянного имущества и объяснения провала организованной эвакуации: «ошеломляющие события на фронте», дефицит транспорта и действия партизан на железной дороге [1, л. 168–183].

Относительно данной оккупационной административно-территориальной единицы сохранился также «Отчет о деятельности за весь период со времени приема под гражданское управление Глубокского округа» от 16 августа 1944 г. Гахман приукрашено оценивает реакцию местного населения на приход немцев следующим образом: «население, благодаря освобождению от большевистского ярма и вдохновляемое великолепными победами немецкой армии в 1941 г., было готово к любому сотрудничеству». Декларировалась задача оккупационной администрации – снабжение фронта промышленной и сельскохозяйственной продукцией. Иллюстрируется дальнейшее усложнение административно-территориального деления округа исходя их хозяйственных задач немцев, а также разногласия в высших эшелонах оккупационной администрации. Так, передача из округа волостей Видзы, Комай и Лынтупы в состав генерального округа «Литва» без согласования с гебитскомиссаром и генеральными комиссарами «Беларуси» воспринималась болезненно. В картографическом бюро рейхсминистерства по занятым восточным территориям прокомментировали данный шаг как «удовлетворение старой мечты литовцев», хотя в той же Лынтупской волости их проживало всего 5 %. Изменение границ округа гебитскомиссар трактовал как «ошибку» и отмечал, что белорусы были вправе претендовать на Виленский край: «Я считал в корне ошибочной позицию комиссара Виленского округа “преподнести литовцам сладкую изюминку”. Жизнь позже подтвердила, с учетом событий на фронте, целесообразность жестоких мер против литовцев». Очевидно, если раньше литовцы рассматривались немцами как более лояльные, нежели белорусы, то опыт оккупации иллюзии

ликвидировал. Гахман отмечал, что в процессе территориальных изменений имелось самоуправство со стороны литовской полиции, против которой он вынужден был использовать белорусских полицейских для разоружения и ареста литовцев, творивших произвол на спорных территориях. Период спокойной работы администрации закончился в середине 1942 г., когда в регионе стало развертываться партизанское движение, и слабых сил начальника СС и полиции и местных полицейских не хватало для их нейтрализации. Гахман сетует на вермахт, не оказывавший помощи и, вопреки приказу командования тылом группы армий «Центр», не желавший размещать тыловые подразделения в сельской местности. Гебитскомиссар даже отказывал вермахту в выделении квартир в столице округа и считал целесообразным передислокацию в округ из Германии запасных и учебных частей вермахта. Трения Гахмана с полевой и местными комендатурами вермахта к 1944 г. вышли на высокий уровень и разбирались командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом Бушем и генеральным комиссаром Готтбергом. К 1943 г. действия партизан сделали перемещение оккупационных чиновников по округу опасным, а сил полиции едва хватало для охраны районных центров. Проводившиеся оккупантами акции пакификации положения дел не меняли, как и создание оборонных деревень и формирование БКО. Партизаны разоружали и уничтожали их, почти не встречая сопротивления. По сути, из-под немецкого контроля выпали Воропаевский, Миорский, Поставский и часть Парафьяновского районов, и лишь в Глубокском, Плиссском, Браславском и частично в Шарковщинском и Дисненском районах немцы могли решать свои хозяйствственные задачи. Сложности в работе он также связывал с дефицитом немецких сотрудников. В контексте использования максимального количества местной рабочей силы руководство округа обращало внимание на идеологическую обработку гражданского населения. Гебитскомиссар сетовал на нехватку белорусской национальной интеллигенции, которая, к тому же, рассматривалась населением как эмигранты, бежавшие из страны в трудный час. Как неудачная оценивалась работа Белорусской самопомощи, не пользовавшейся доверием населения и немцев. Содержится также критика централизации экономических процессов, когда заготовленные в округе кожи поступали на склад в Минск, чтобы оттуда вернуться на кожевенное предприятие в Глубоком. Отдельно описаны черный рынок и спекуляция, причиной которых гебитскомиссар видел низкие зарплаты местных работников. Приведен также обширный список продукции, поставленной промышленным отделом гебитскомиссариата вермахту в 1942–1944 гг. как иллюстрация масштабов эксплуатации немцами Беларуси, показана эффективность работы районных сельскохозяйственных руководителей по обеспечению вермахта продуктами питания (перечислены объемы изъятой у крестьян продукции). Описан процесс мобилизации биржей труда местной рабочей силы. Заключительный раздел озаглавлен как «Критический отчет о деятельности и выводы», в котором дается концентрированная оценка проделанной работы. Так, критикуется

используемый немцами термин *комиссар*, поскольку, якобы, у местного населения имелась негативная реакция на это слово с советского периода; предлагалось в будущем использовать термины *губернатор* или *резидент*. Также критикуется подчинение генерального округа «Беларусь» рейхскомиссариату «Остланд», поскольку в историческом развитии Беларуси и прибалтийских государств имелись большие различия. В будущем он предлагал создать самостоятельный генеральный комиссариат для Беларуси и покончить с практикой параллельного существования гражданской и военной администрации [1, л. 184–214].

«Отчет о деятельности, эвакуации и выводы» окружного комиссара в Кобрине был подготовлен 21 августа 1944 г. и являлся дополнением к не выявленному эвакуационному отчету от 21 июля 1944 г. После краткой справки об округе идет детальная характеристика действий партизан. Национальный состав жителей округа определен как «смесь» украинцев, белорусов и поляков, которые разговаривают на своем наречии. За описанием экономического потенциала региона следует перечень многочисленных материальных ценностей, вывезенных в ходе эвакуации в рейх. На фоне других отчетов данный раздел выглядит объемно, очевидно, нацисты здесь имели больше времени для вывоза ресурсов. В заключительной части не содержится анализ успехов и неудач оккупационного аппарата [1, л. 370–391].

Достаточно компактный «Отчет о деятельности, эвакуации и выводы» Лидского окружного комиссара Хеннига от 15 августа 1944 г. начинается с ремарки о невозможности предоставить полную информацию о деятельности округа ввиду отсутствия необходимых документов, а сам он руководил им всего четыре месяца. Отталкиваясь от национального состава жителей округа (из 281 000 жителей 215 000 составляли поляки, 60 000 белорусы), гебитскомиссар комментирует трудность проведения «белорусской политики на польской территории» ввиду засилья поляков во всех отраслях. Весьма не информативно, буквально одним предложением, охарактеризована работа школ, промышленности, сельского и лесного хозяйства, трудовая повинность. Фактически это самый скучный отчет на фоне аналогичных. Указано, что подробный отчет об эвакуации был подготовлен и передан 14 июля 1944 г. (очевидно, либо не сохранился, либо пока не выявлен), поэтому в разделе «Дополнение» лишь отмечал отсутствие поддержки эвакуационных мероприятий вермахтом, занятым своими делами, а потом бежавшем «в панике и беспорядке». Такой же упрек был адресован отдельным немецким руководителям организаций и предприятий. «Я должен бросить им упрек в трусости», констатировал гебитскомиссар. Интересен пространный раздел «Выводы и предложения». Так, гебитскомиссар на будущее должен иметь офицера связи при вермахте, полномочия отдавать указания коменданту полиции округа. Артикулированы проблемы бюрократической переписки и поведения немецких служащих, у которых «...оживленная торговля и отправка посылок отнимали больше времени, чем выполнение служебных обязанностей». Существенной ошибкой была названа грабительская полити-

ка, подорвавшая позиции немцев и приведшая к их уходу, тогда как следовало действовать тайно, играть роль защитников страны, хорошо обходиться с местными формированиями, интеллигенцией, обещать в будущем самостоятельность и конституцию [1, л. 350–358].

Уход оккупантов из столицы БССР описан в «Итоговом отчете об эвакуации из г. Минска» 27 июля 1944 г. Отмечено заблаговременное планирование эвакуации конкретных предприятий, перечислены мероприятия, направленные на поддержание у гражданского населения уверенности в прочности позиций немцев, для чего инициировали разбор завалов, строительство новых домов, расширение трамвайной линии, соревнования по разведению садов, закладку кладбища, открытие новой музыкальной школы и театра, но данные пропагандистские акции не смогли подавить среди горожан слухи о наступлении Красной армии. Панические настроения усиливались видом отступающих колон автотранспорта вермахта и организации Тодт, забитых награбленным имуществом (разобранный паркет, кровати, стулья и иные предметы домашнего обихода, тогда как городской комиссар не знал, как вывезти текстиль и кожу). Командование вермахта в Минске не делилось с гражданской администрацией информацией о ситуации на фронте, поэтому комиссар под свою ответственность 30 июня разрешил эвакуацию предприятий. Рабочие стратегически важных объектов (электростанция, танкоремонтный завод) были переведены на казарменное положение, на других предприятиях их оставалось до 20 %, поскольку началось бегство минчан, справедливо опасавшихся принудительной эвакуации. Городской комиссар ссылается на приказ генерал-фельдмаршала Моделя, согласно которому всех мужчин от 14 до 55 лет следовало отправить по железной дороге в направлении Барановичей, остальных жителей пешим порядком отправить по направлению Раков – Ивенец – Барановичи (маршрут через партизанскую зону удивил комиссара). В заключении свои действия по эвакуации городской комиссар расценивал как правильные и высказывал удивление быстрой сдачей Минска вермахтом, сотрудничество с которым характеризовал как недостаточное по вине самих военных [1, л. 215–241].

Относительно Новогрудского округа сохранилось «Итоговое сообщение окружного комиссара в Новогрудке» (18 июля 1944 г.) и «Отчет о деятельности, эвакуации и опыте окружного комиссара в Новогрудке» (3 августа 1944 г.). В первом документе сообщается о переносе резиденции генерального комиссара Беларуси в Лиду, что стало толчком к фактическим эвакуационным мероприятиям Новогрудского округа. Гебитскомиссар выступил перед немецким персоналом и отдельно перед руководством белорусских коллаборационистов, призвав последних к спокойствию, а также провел совещания с командованием размещавшихся в регионе казачьих частей относительно эвакуации 8 000 гражданских лиц при казаках. Несмотря на эвакуацию ряда округов, начальник главного отдела генерального комиссариата Фрайтаг проинформировал руководство округа, что Новогрудок пока не эвакуируется, хотя советская авиация 2 июля уже наносила удары по

немцам в городе, но в дальнейшем разрешил ему действовать сообразно обстановке. Немцы пытались действовать втайне от местного населения (например, племенные быки и жеребцы-производители были вывезены под предлогом окончания покрытия скота, а сельскохозяйственная техника, якобы, на ремонт), но сожжение вермахтом продовольственного склада в Любче показывало их намерения. Гебитскомиссару приходилось подавлять панику среди местных полицейских, покидавших опорные пункты. Под на-тиском советских войск 7 июля аппарат гебитскомиссариата покинул Новогрудок. Относительно эвакуации материальных ценностей гебитскомис-сар не располагал статистическими данными, но отмечал, что большую часть товаров и продуктов передали вермахту и казакам (последние угнали не менее 6 000 лошадей), и значительных запасов на оставленной территории нет. Удалось также угнать от 5 000 до 6 000 мирных жителей [1, л. 319–337].

Второй документ представлял дополнение к первому и являлся осмыслением гебитскомиссаром своего опыта руководства округом за период с 1 апреля 1944 г. и до эвакуации. Информация о более раннем времени была основана на данных сотрудников гебитскомиссариата. Аналитический доку-мент начинается с описания партизанской активности, которая стала заметной с июня 1942 г., и к моменту вступления в должность по дорогам нельзя было передвигаться без сильного конвоя. Причину роста партизанского движения гебитскомиссар, как и его коллеги, видел в неизбирательном сожжении населенных пунктов. Размещение в округе казаков позволило к лету 1944 г. взять под контроль основные коммуникации и отступить солдатам вермахта. Автор отчета отмечал, что необходимо было больше перекладывать управление территорией на местную администрацию по примеру рейхскомиссариата «Украина», где немецкие чиновники были освобождены от мелких управленческих дел. При этом он же сообщает о ненадежности отрядов самообороны и местной полиции, которые массово с оружием перешли к партизанам, и лишь незначительный процент полицейских эвакуировался с немцами. Проблемой управления была названа раздутость штатов гебитскомиссариата (другие наоборот жаловались на дефицит кадров). Отмечены также антагонизм белорусов и поляков, лояльность к немцам православной церкви и оппозиция католического костела. В разде-ле «Критические выводы» содержалась критика системы управления всего генерального округа: «У меня часто складывалось впечатление, что в Минске действуют независимо друг от друга три командные инстанции: генеральный комиссар, высший начальник СС и полиции и командующий СД». Отноше-ния с вермахтом характеризовались как нормальные, при этом гебитскомис-сар не понимал, какие функции выполняла местная комендатура в Новог-рудке [1, л. 338–349].

Шестистраничный отчет об эвакуации Слуцкого округа датирован 10 июля 1944 г. Краткость отчета становится понятна по первой странице, где гебитскомиссар сетовал, что до 26 июня не был в курсе сложившейся на фронте обстановки, посему «о планомерной эвакуации округа не может быть

и речи». Как и его коллеги, Карл сетовал на дефицит транспорта, забитого к тому же личными вещами немцев, но не подлежавшими эвакуации ценностями. Описание хаотичного бегства, начавшегося 29 июня, занимает большую часть документа и не содержит интереса для исследователя, за исключением описания процесса уничтожения инфраструктуры. Ответственным за разрушения районных центров округа являлся сам гебитскомиссар, разрушение столицы округа г. Слуцка было в компетенции вермахта. Согласно разработанному плану, во всех райцентрах были сожжены предприятия, мельницы, электростанции, молочные пункты, склады, уничтожена документация районных управ, финансовые документы, за исключением денежных сумм, вывезенных гебитскомиссаром. Вместе с немцами были эвакуированы около 3 000 человек, в том числе коллаборационисты и их семьи. По утверждению Карла, большая часть жителей оборонных деревень эвакуироваться отказалась («лучше умереть, чем оставить родной клочок земли»); некоторая часть «самооборонцев» была разоружена, многие бежали с оружием [1, л. 242–247].

Относительно Слонимского гебитскомиссариата описание эвакуации не сохранилось, но имеется «Отчет о деятельности за период, начиная с приема округа под гражданское управление» за подписью гебитскомиссара Эрена, созданный 10 августа 1944 г. Документ представляет собой экскурс в историю германской власти в регионе, как и в других аналогичных отчетах, приводится описание политических задач: «усмирение и перевоспитание» населения, организация школ, ликвидация 25 000 евреев, борьба с польским движением сопротивления (устранение около 1 000 поляков, занимавших посты в управлении и экономике и замена их белорусами), борьба с партизанами (нанесенный ими ущерб оценен в 20 млн марок). Эрен также сетовал на то, что охранные подразделения вермахта ограничивались круговой обороной от партизан (усматривал в этом преднамеренный умысел) и предлагал перевести сюда учебные части вермахта, которые были бы вполне в состоянии снабжаться за счет местных ресурсов, учитывая размеры ценностей, доставшихся партизанам. Позитивно оценивалась деятельность белорусских коллаборационистов и православной церкви. Отмечены трудности в деле мобилизации местной рабочей силы для нужд германской экономики. Так, результатом мобилизации в Германию в рамках «акции Заукеля» свыше 14 000 человек стал приток местных жителей в партизанские отряды. Приведены статистические данные о количестве земель, лесных угодий, водоемов, предприятий и количестве продовольствия, изъятого у местного населения, отмечено резкое сокращение поголовья скота на фоне увеличения поставок вермахту. В заключении Эрен оценивает проделанную работу как успешную, которая могла бы быть эффективней, если бы не партизаны, и вновь возвращается к критике охранных частей вермахта, ставя в пример местную полицию, которая захватила многочисленные трофеи и понесла значительные потери в борьбе с партизанами [1, л. 359–369].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что рассматриваемые документы являются исключительно ценными для детального изучения германской колониальной политики в Беларуси 1941–1944 гг. Отчеты гражданской оккупационной администрации иллюстрируют масштабы эксплуатации нацистами материальных и человеческих ресурсов Беларуси, тактику выжженной земли при отступлении немцев, противостояние гражданских и военных оккупационных структур, достигшее кульминации в ходе отступления лета 1944 г., а также свидетельствуют о наличии иллюзий перспективы возвращения в Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 971.